

ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА

Анотація. У статті розглядаються структурні та стилістичні особливості дієприкметників у прозі XIX століття. В аналізованій період дієприслівники здобули морфологічну й синтаксичну незалежність, ставши виокремленою від дієприкметникових форм категорією, й дістали широке розповсюдження у літературній мові.

Ключові слова: дієприслівник, структура, функції, художня проза.

1. Несмотря на то что начиная с М. Ломоносова большинство известных лингвистов в той или иной степени затрагивали проблемы становления и функционирования деепричастий как самостоятельной морфолого-синтаксической категории, в русской грамматике до сих пор не преодолено 'усреднённое' представление о деепричастиях, отражённое в канонических описаниях [Норман 2014: 19]. Между тем, деепричастия относятся к тем сравнительно немногим грамматическим категориям, структура и функционирование которых имеют принципиальные различия в литературном и разговорном языке. Более того, в литературном языке они попадают в число признаков, хорошо различающих разные стили [Норман 2014: 19]. Изучение деепричастий в тексте показывает, что их семантические особенности выходят за пределы 'усреднённого' представления об этой грамматической категории. Следовательно, переклечение современной лингвистики на исследование дискурса и текста, т.е. языковых единиц, превосходящих по своему размеру традиционно выделяемые [Кибрик 2009: 3], может расширить наши представления о таких гибридных грамматических категориях, как деепричастия. Цель данной статьи – показать некоторые особенности структуры и функционирования деепричастий в художественных текстах XIX в. Выбор именно этого периода предопределён прежде всего тем, что он справедливо считается золотым веком русской литературы. С точки зрения исследуемой нами проблематики XIX в. интересен как время укрепления тех морфолого-синтаксических особенностей деепричастий, которые отграничивали их от причастий, чему способствовали утрата дублетных форм, перераспределение функций между различными типами указанных девербативов, а также широкое распространение их в книжной речи [Очерки 1964: 179].

2.1. Проанализировав художественную прозу нескольких ведущих писателей XIX в. (А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, И. Тургенева, И. Гончарова, Ф. Достоевского и А. Чехова¹), мы обратили внимание прежде всего на лексическое разнообразие деепричастий, представленных в их сочинениях: средняя частотность использования

анализируемых словоформ колеблется в пределах 1,3 – 1,5. Только в прозе А. Чехова 1985-1903 гг. словоформы деепричастий употребляются несколько чаще, чем у других известных авторов, – в среднем 2,2 раза. За пределы средней частотности у каждого автора выходят только отдельные лексемы. Так, у А. Чехова 10 и более раз встречаются деепричастия *держа, желая, слушающая, уходя; боясь, возвращаясь, обращаясь, улыбаясь; подумав, узнав, увидев; придя, садясь* и др. Деепричастие *сидя* зафиксировано 23 раза, а *глядя* – 80. Однако каждая четвёртая словоформа (342 примера) представлена только одним случаем своего употребления: *беря, бледнея, воздевая, всхлипывая, входя, жуя, издавая, изумляя, картавя, капризная, кладя, кушая, м'оя, наводя* и др. В этой связи уместо вспомнить следующую рекомендацию А. Чехова молодому писателю А. Пешкову (М. Горькому): «Ещё совет: читая корректуру, **вычёркивайте**, где можно, **определения существительных и глаголов**. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться, и оно утомляется» (выделено нами – Л.У.) [Чехов 1980: 258-259].

2.2. Результаты проведённого нами количественного анализа свидетельствуют не только о лексическом разнообразии деепричастий, но также и об окончательном преодолении норм «Русской грамматики» М. Ломоносова, устанавливающей жёсткие стилистические рамки и для формантов деепричастий, и для мотивирующих глаголов [Ломоносов 1952: 499]. Это подтверждают и результаты количественного анализа структуры деепричастий в текстах [см. 2, 3, 5, 8, 12, 13-14, 15-16, 23], представленные в таблице 1.

2.2.1. Таблица 1 показывает, что в подгруппе деепричастий несовершенного вида (НСВ) нормативным является формант *-а/-я*, в то время как суф. *-учи/-ючи*, широко распространённый в живой разговорной речи, представлен небольшим количеством примеров – от 2-х до 6-ти. Только в сочинениях М. С.-Щедрина имеется 30 словоформ с указанным формантом, причём 26 из них зафиксированы в романе «Пошехонская старина». Например: *Сестра могла только слегка подсурмить брови и, едучи в церковь, усерднее обыкновенного нащипывала себе щеки 14-148²; И купец, видючи его слезы, тоже заплакал 14-181; Пускай он [Серёжа], хоть не понимаючи, скажет: «Ах, папаша! как бы мне*

¹ В данной статье в качестве иллюстративного материала мы используем примеры из романов И. Тургенева «Дворянское гнездо», И. Гончарова «Обломов» и М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», поскольку исследование этих текстов ещё не отражено в наших публикациях (см. [17, 18, 19, 20, 21]).

© Л.Устюгова, 2014

² При паспортизации примеров из художественных текстов 1-м числом мы обозначаем позицию автора в Списке использованной литературы, а 2-м – страницу из цитируемого издания.

хотелось быть прокурором, как дядя Коля!» 14-60; Словом сказать, устроили дело так, чтоб и душа покойной, глядячи с небеси, радовалась, да и перед людьми было не стыдно... 14-73; и др. Как правило, употребление словоформ с суф. -учи/-ючи имеет определённую стилистическую мотивировку. Чаще всего они встречаются в прямой речи. Ср.:...старая женщина <...> вошла **припе-
вая** и **приплясывая**... — Каково поживаешь? —

Подобру-поздорову, кум: **поючи** да **пляшучи**, женишков **поджидаячи** 12-196 (в авторском тексте даны деепричастия с формантом -а/-я, а в речи карлицы — с суф. -учи/-ючи); — Восемьдесят душ — это восемьдесят хрёбтов-с! — говаривал он [Савельцев], — ежели их **умеючи** нагайкой **пошевелить**, так тут только огребай! 14-82; — Да так матушка, **умираючи**, **говори-
ла**... 14-106 [слова Федоса]; и др.

Таблица 1. Структура деепричастий в художественной прозе XIX века

Суффиксы Кол-ство	Несовершенный вид			Совершенный вид			
	-а /-я	-учи/ -ючи	Всего:	-в	-вши	-а /-я	Всего:
А. Пушкин	188	6	195/62%	83/70%	—	35	118/38%
М. Лермонтов	386	4	392/57%	216/84%	10/4%	64	290/43%
Н. Гоголь	185	2	187/44%	79/34%	127/54%	28	234/56%
И. Тургенев	294	3	297/61%	165/85%	19/10%	9	193/39%
И. Гончаров	314	4	318/60%	183/85%	8/4%	23	214/40%
Ф. Достоевский	685	5	693/62%	387/90%	2	39	428/38%
М. С.-Щедрин	497	30	527/66%	126/47%	114/43%	27	267/34%
А. Чехов	423	2	425/72%	87/54%	20/12%	54	161/28%

Единичные примеры деепричастий НСВ с формантом **-в** (*быв, слышав*) зафиксированы всего у нескольких писателей — А. Пушкина, М. Лермонтова, М. С.-Щедрина, а с суф. **-вши** — только в прозе А. Чехова: *не евши, лежавши, не пивши, не спавши*.

2.2.2. В подгруппе деепричастий совершенного вида (СВ) ведущим является формант **-в**, однако в прозе Гоголя 54% анализируемых словоформ имеют суф. **-вши** (*подложивши, нагнувши, отдохнувши, взявши*), что, на наш взгляд, в известной степени обусловлено омонимией русского деепричастного суффикса **-в** и украинского суффикса прошедшего времени муж. рода (*сіяв, погрожував, сидів*). Ср.: — *Надо другой обед готовить, — решил (укр. **вирішив**) он помолчал (укр. **помовчавши**)* 3-443. Кроме того, в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души» представлено значительно больше, чем у других авторов, вариантных образований со следующими суффиксами: 1) **-в / -вши** (*заметив / заметивши, накрыв / накрывши*); 2) **-в / -а** (*завидев / завидя*); 3) **-вши / -а** (*наклонивши / наклоня*); 4) **-в / -вши / -а** (*увидев / увидевши / увидя, услышав / услышавши / услыша*). Отсутствие деепричастий на **-вши** в художественной прозе А. Пушкина и незначительное их количество в 3-х романах М. Лермонтова даёт основание предполагать, что вариантность формантов деепричастий СВ в поэме Н. Гоголя предопределена двуязычием писателя, выросшего в украинской языковой среде.

Деепричастия с формантом **-вши** достаточно часто (43%) использует и М. Салтыков-Щедрин (*взявши, выпивши, вспугнувши, застегнувши, выслушавши, вступивши, скрестивши, увидев-*

ши и др.), причём в романе «Господа Головлёвы» их меньше (34%), чем в последнем романе «Пошехонская старина» (49%). В обоих романах эти деепричастия отличаются лексическим разнообразием: частотность употребления словоформ равна 1,2. Основная масса образований на **-вши** зафиксирована в повествовании: *Выпивши чай, дети скрываются в классную и садятся за ученье* 14-39; *Сделавши это распоряжение, Анна Павловна возвращается восвояси, в надежде хоть на короткое время юркнуть в пуховики*... 14-45; *Тут же, на ларе, поджавши ноги, присела Анна Павловна и беседует с старостой Федотом* 14-47; *Но Федос, сделавши экскурсию, засиживался дома, и досада проходила* 14-110; *Дедушка, выполнивши обряд послеобеденного целованья, отправляется в свою комнату и укладывается на отдых* 14-133; *Выговоривши эту тираду, дедушка шумно нюхает табак и вздыхает* 14-139; *...первую остановку делают в Больших Мытищах, отъехавши едва пятнадцать верст от Москвы* 14-149; *Александра Гавриловна мечтает, что, получивши деньги, она на пятьсот рублей закажет у Сихлерши два платья* 14-238; *Калерия Степановна, в свою очередь, почувавши в Бурмакине жениха, старалась вывести Милочку из оцепенения* 14-270; и др.

Только единичные деепричастия с формантом **-вши** представлены в прямой речи: — *И куда они запропастились! — роптала матушка. — ...Целую прорву деньжищ зря разбросали, лошадей, ездивши по магазинам, измучили, и хоть бы те один!* 14-147; — *А там... не доходя, прошедши, — шутит он [Ванька-Каин] в ответ* 14-188; — *«Не доходя прошедши», — подсказала одна из девушек* 14-189;

Сидите, мол, склавши ручки, сам бог так велел! Вот я тебя... погоди! 14-178; – Ну, зима нынче. Того гляди, всех людей поморозят, ездивши по гостям 14-146.: Единственное отличие от других структурных типов деепричастий состоит в том, что образования на *-вши* в большинстве случаев употребляются в начале предложения: *Поболтавши еще минут пять, Обряцин откланивается 14-144; ...отобедавши все ложились спать...14-145; Припомнивши эту угрозу, она [матушка] опускает глаза и старается не смотреть на дядю14-155;* и др.

3. Функционально-стилистические особенности деепричастий предопределяются не только структурой отдельных словоформ, но и характером их включения в предложение. С этой точки зрения важно учитывать наличие / отсутствие у деепричастия зависимых слов. Подавляющее большинство деепричастий, зафиксированных в художественной прозе указанных авторов, имеют зависимые слова, причём от деепричастия могут зависеть не только отдельные слова и словосочетания, но и целые предложения. Ср.: *Схоронив отца и поручив той же неизменной Глафире Петровне заведывание хозяйством и надзор за приказчиками, молодой Лаврецкий отправился в Москву... 16-219* (в предложении 2 деепричастных оборота, причём 2-й оборот является достаточно распространённой структурой); *Заметив из расспросов Лаврецкого, какое впечатление произвела на него Варвара Павловна, он сам предложил ему познать его с нею, прибавив, что он у них как свой, что генерал человек совсем не гордый... 16-221* (к деепричастиям относятся 3 придаточных изъяснительных – одно с союзным словом *какие* и два однородных с союзом *что*); *Она [Пишеницына] как будто вдруг перешла в другую веру и стала исповедовать ее, не рассуждая, что это за вера, какие догматы в ней, а слепо повинаясь ее законам 3-391*(к деепричастию *не рассуждая* относятся два придаточных изъяснительных, присоединяемых союзом *что* и союзным словом *какие*); и др.

Деепричастия без зависимых слов, как правило, встречаются реже, чем деепричастные обороты, например: *...она не могла вынести далее, вскопчила и рыдая упала к его ногам 6-60; Не желая обидеть его, Чичиков взял за нос, сказавши: «Хорошее чутьё» 2-97; ...он [отец Лизы] не скупясь давал деньги на учителей, гувернеров, на одежду и прочие нужды детей...16-276; Уезжая, в господском доме приказывали заколотить оба крыльца, закрыть ставни...16-141;* и др.

4. Деепричастные обороты, а зачастую и одиночные деепричастия, входят в разряд обособленных членов предложения, которые, по мнению В.И. Фурашова, занимают промежуточное положение между соответствующими обособленными и предикативными частями сложного предложения [Фурашов 1993: 303]. Ср. следующие трансформации: *«Вот я и дома, вот я и вернулся»*, – *подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю... 16-235* > *«Вот я и дома, вот я и вернулся»*, – *подумал Лаврецкий, когда входил в крошечную переднюю // «Вот я и дома, вот я и вернулся»*, – *подумал Лаврецкий у входа в крошечную переднюю*. Преобразование деепричастного оборота в придаточное предложение заметных смысловых потерь не вызывает, в то время как замена этого оборота обособленным обстоятельством приводит к некоторому сокращению смысловой структуры предложения. Характерной особенностью обособленных членов предложения считается присущая им **полупредикативность**, т.е. сопутствующая предикативность, существующая в предложении только на фоне его предикативной основы. В полупредикативных структурах тоже имеются категории модальности, времени и лица, но в несколько изменённом виде [Фурашов 1993: 303-305]. Так, синтаксическое время в полупредикативных структурах квалифицируется как относительное, поскольку точкой отсчёта для него является не момент речи, а временн`ой план предикативной основы. Ср.: – *Сергей Петрович Геденовский! – пропищал краснощекий казачок, выскочив из-за двери 16-191* (деепричастный оборот выражает временн`ое значение предшествования: сначала *выскочил*, а потом *пропищал*); – *Как не быть-с, как не быть-с, – возразил гость, медленно моргая и вытягивая губы 16-192* (деепричастные обороты выражают значение одновременности: *медленно моргая* и *вытягивая губы* находятся в одинаковом временн`ом плане со сказуемым *возразил*).

Через модальность предикативной основы проявляется и сопутствующая модальность. Ср.: *«Говорят, – прибавил Лаврецкий, помолчав немного, – Владимир Николаич написал очень милый романс 16-253»*. Модальное слово *говорят* придаёт речи говорящего значение ирреальности, предположительности (*Говорят, Владимир Николаич написал очень милый романс*), в то время как в словах автора и предикативная основа, и деепричастный оборот имеют значение реальности. В прозе проанализированных авторов деепричастные обороты, как правило, имеют реальную модальность: *Поздно вечером вернулся Лаврецкий домой и долго сидел, не раздеваясь и закрыв глаза рукою, в оцепенении очарования 16-223*. Однако в тех случаях, когда деепричастные обороты вводятся семантическими союзами, они могут иметь оттенок ирреального значения, в большей (1-й пример) или меньшей (2-й пример) степени накладывающийся на общее модальное значение предложение: *Он закрыл глаза, как бы собираясь заснуть 16-242; – Я знаю, – продолжала Лиза, как будто не расслушав его, – она перед вами виновата, я не хочу ее оправдывать... 16-245*.

Сопутствующая персональность отражает связь с отправителем речи, говорящим лицом. Например: *...Антон становился у двери, заложив назад*

руки, и начинал свои неторопливые рассказы о стародавних временах... 16-239; **Выходя из кабинета, Лаврецкий положил в карман вчерашний номер газеты 16-235;** и др. Для деепричастий сопутствующая персональность проявляется прежде всего в совпадении их субъекта действия с субъектом действия предикативной основы. На необходимость этого совпадения указывал ещё М.В. Ломоносов.

Таким образом, предложения с деепричастными оборотами являются достаточно сложными структурами, в которых на основную предикативность наслаивается полупредикативность. При наличии однородных деепричастий или /и деепричастных оборотов сложность этой структуры возрастает.

5. При определении модальных оттенков в значении деепричастных оборотов возникает необходимость в разграничении предикативной и обстоятельственной функций деепричастий. В этой связи весьма показательным является такой признак, как наличие других обстоятельств при глаголе-сказуемом. Ср.: *...то были седенький старичок, богомолец, из «простых», и один монашек..., сидевший чинно и потупив очи 5-329; Захар принес старую скатерть <...> потом **осторожно, прикусив язык, принес прибор с графином водки, по-***

*ложил хлеб и ушел 3-436; Штольц слушал **внимательно, наострив уши 3-449;** и др. Во всех приведённых примерах значение деепричастных оборотов как обстоятельств образа действия усиливается наречиями с таким же значением.*

6. Употребление деепричастий как признаков слов в художественном тексте подчинено определённым эстетическим задачам. Анализируя стилистические функции деепричастий, мы установили, что эти словоформы чаще всего встречаются в таких функционально-стилистических типах речи, как повествование и прямая речь. Количественное соотношение диалога и других форм повествования, по справедливому замечанию М.В. Грудина, предопределяет композиционно-речевую структуру художественного текста [Грудина 2009]. А. Г. Цейтлин установил следующее процентное соотношение диалога и других функционально-стилистических типов речи в романах И. Тургенева: в «Рудине» диалог составляет около 73% всего текста, в «Дворянском гнезде» – 43%, в «Накануне» – 58%, в «Отцах и детях» – 71%. (Цит. по: [Иссова 1999]). Как видим, наименьшее количество диалогов характерно для романа «Дворянское гнездо». Исследовав распределение деепричастий по функционально-стилистическим типам речи в этом романе, мы получили такие результаты:

Таблица 2. Распределение деепричастий по функционально-стилистическим типам речи в романе И. Тургенева «Дворянское гнездо»

Типы речи	Повествование		Прямая речь			
	НСВ	СВ	Слова говорящего		Слова автора	
НСВ			СВ	НСВ	СВ	
Суффиксы						
	Невозвратные деепричастия					
-а /-я	143	4	2	1	30	3
-учи / -ючи	1	—	—	—	—	—
-в	—	72	—	1	—	19
-вши	—	11	—	2	—	3
	Возвратные деепричастия					
-а /-я	42	3	1	—	26	1
-вши	—	32	1	—	—	7
Всего:	186	122	4	4	56	33
Общий итог	308 (76%)		8		89	
	97 (24%)					

Таблица 2 показывает, что в романе «Дворянское гнездо» деепричастия заметно преобладают в повествовании (76%), в то время как в прямой речи они составляют 24%, почти вдвое меньше, чем общее число диалогов – 43%.

Следует отметить, что в прямой речи деепричастия представлены прежде всего в словах автора: *– Я хотел, – начал он [Лаврецкий], – передать вам одно известие, но теперь невозможно. Впрочем, прочтите вот, что отмечено карандашом в этом фельетоне, – прибавил он, подавая ей номер взятого с собою журнала 16-258/259; – Что мне сыграть вам? – спросила она [Лиза], поднимая крышку фортепьяно*

16-265; – Успокойтесь, тетюшка, что с вами? – говорила Лиза, подавая ей стакан воды 16-286; и т.д.

Вызывают интерес и функции деепричастий в словах автора. Так, в романе И. Тургенева «Отцы и дети» в словах автора обычно даётся описание ситуации, в которой происходит разговор или размышления героев: *«Странный человек этот лекарь!» – думала она [Анна Сергеевна], лёжа в своей великолепной постели, на кружевных подушках, под лёгким шёлковым одеялом 15-87.* Эта особенность характерна и для романа «Дворянское гнездо»: *– Что с вами? – промолвила она, ставя чайник на самовар 16-257; – А я доволен*

тем, что показал вам этот журнал, – говорил Лаврецкий, идя за нею следом... 16-261.

В романе И. Гончарова «Обломов» деепричастия в словах автора выражают весьма широкий спектр значений: причину действия (– Как – что же? Я тут спину и бока **протер, ворочаясь от этих хлопот** 3-174); время (– Что такое? – **спросил Штольц, посмотрев книгу** 3-175; – Отдали кому-нибудь, да и забыли, – **сказал Захар, поворачиваясь к двери** 3-174); образ действия (– Помилуй, Илья! – **сказал Штольц, обратив на Обломова изумленный взгляд** 3-176; – Что это на тебе один чулок нитяный, а другой бумажный? – **вдруг заметил он, показывая на ноги Обломова** 3-176; – Тарантьев, Иван Герасимыч! – **говорил Штольц, пожимая плечами** 3-178); состояние говорящего (– В самом деле, – **смутясь, сознался он** 3-177) и др.

Аналогичные примеры есть и в романе Достоевского «Бесы», однако деепричастия в словах автора чаще всего служат здесь для характеристики говорящего: – **Надоел я вам, – вскопчил вдруг Пётр Степанович, схватывая свою круглую, совсем новую шляпу и как бы уходя, а между тем всё ещё оставаясь и продолжая говорить беспрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнате и в одушевлённых местах разговора ударяя себя шляпой по коленке** 5-232. Суетливость Петра Верховенского, подчёркнутая 7-ю деепричастиями при одном глаголе, лучше всего раскрывает его «бесовскую» сущность.

В речи говорящего во всех проанализированных нами художественных текстах деепричастия представлены единичными примерами: – **Теодор! – продолжала она [Варвара Павловна], изредка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно красивые пальцы с розовыми**

лощеными ногтями. – ...я воспользовалась распостранившимся слухом о моей смерти, я покинула все; **не останавливаясь, день и ночь спешила я сюда... но я решилась, наконец, вспомнив вашу всегдашнюю доброту, ехать к вам... Поверьте, – продолжала она, тихонько поднимаясь с полу и садясь на самый край кресла, – я часто думала о смерти... 16-280; – Вы уходите? – с отчаяньем проговорила его жена, – о, это жестоко! – Не сказавши мне ни одного слова, ни одного даже упрека... Это презрение меня убивает, это ужасно! 16-281; – Вы хотите, чтоб я не спала всю ночь? – **перебила она [Ольга], удерживая его за руку и сажая на стул. – Хотите уйти, не сказав, что это... было... 3-431; – Сказали хорошо; просто, не стыдясь и не рисуясь 15-168; и др.³****

7. Использование деепричастий как изобразительно-выразительных средств показывает сложность их грамматической природы. Так, деепричастия могут употребляться в одном синтаксическом ряду с прилагательными и причастиями: **Он [Антип Сидельников] шёл быстро, делая широкие шаги, а та [бабка] гналась за ним, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирепая... 24- 220; Настроенный вечером и не желая петь перед Лаврецьким, но чувствуя прилив художественных ощущений, он пустился в поэзию 16-269.** В таких предложениях связь деепричастий с глаголами-сказуемыми заметно ослабевает.

Таким образом, характер употребления деепричастий в художественных текстах показывает, что именно в тексте наиболее отчётливо проявляются те особенности данных девербативов, которые позволяют квалифицировать их как книжную категорию, принципиально отличающуюся от деепричастий в разговорной, прежде всего диалектной, речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Гоголь Н.В. Мёртвые души // Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: В 5-ти тт. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.5. – 356 с.
3. Гончаров И.А. Обломов. – М.: Госиздат дет. лит-ры, 1954. – 317 с.
4. Грудина М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» (коммуникативно-текстообразовательный аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/chuzhaya-rech-v-romanah-i-s-turgeneva-rudin-dvoryanskoe-gnezdo-nakanune>
5. Достоевский Ф. М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – 704 с.
6. Иссова Л.Н. Романы И.С.Тургенева. Современные проблемы изучения: Учебное пособие. — Калининград: Калинингр. ун-т., 1999. — 82 с.
7. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4-х тт. Т. 4: Проза. Письма. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 474 с.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Собрание сочинений: Труды по филологии. – М.;Л., 1952. – Т. 7, с. 290 – 582.

³ Примеры употребления в речи говорящего деепричастий с суффиксом –*вши* см. выше.

10. Норман Б.Ю. О дискурсивной обусловленности грамматики // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 18-19.
11. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В.Виноградова и Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 320 с.
12. Пушкин А.С. Художественная проза // Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х тт. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 3. – 538 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлёвы. – М.: Правда, 1978. – 335 с.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина – М.: Худож. лит-ра, 1975. – 301 с.
15. Тургенев И.С. Отцы и дети. Каунас, 1986. – 204 с.
16. Тургенев И.С. Дворянское гнездо// Тургенев И.С. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит-ра, 1987. – С. 189-318.
17. Устюгова Л. М. Структура деепричастий как один из признаков национально–языковой специфики поэмы Н. Гоголя Мёртвые души // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2009. – № 4 (41). – Харьков. – С. 7–14.
18. Устюгова Л. М. Деепричастия как один из показателей своеобразия синтеза гетерогенных элементов в языке прозы А. С. Пушкина // Вестник Ужгородского национального университета. Серия: филология. – 2009 а. – № 21. – с. 23-30.
19. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в прозе М. Ю. Лермонтова // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – С. 340-345.
20. Устюгова Л. М. Структурные и функционально-стилистические особенности деепричастий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Сборник научных работ. – Горловка, 2012. – С. 308-314.
21. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в романе М. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой международной конференции. – Владимир, 2014. – С. 604-608.
22. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Фурашов В. И. Современный русский синтаксис: Избранные работы. – Владимир: ВВГУ, 2010. – С. 301-318.
23. Чехов А. П. Письма: в 12-ти томах. – Т. 9. – М.: Наука, 1980.
24. Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 8. Повести и рассказы 1895-1903.– М., 1962. – 575 с.

Ljudmila Ustjugova
Gerunds in the prose of the 19-th century

Summary. Stylistic and structural features of the gerunds in prose XIX century covered in the report. It was during this period participles are widely distributed in the book and reinforced speech as an independent morphological and syntactic category.

Key words: Gerunds, structural features, art prose, function.

Одержано 3.06.2014 р.